

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ОДНОЙ СКАЗКИ

Нина Демурова

Этой прогулке по реке суждено было войти в историю литературы. Когда Чарлз Лютвидж Доджсон (1832–98), преподаватель математики в оксфордском колледже Крайст Чёрч и дьякон Англиканской церкви, ныне известный во всём мире под псевдонимом «Льюис Кэрролл», сел вечером 4 июля 1862 года за стол, чтобы, как всегда, сделать запись в своём дневнике, он и не подозревал, что эти скромные строки будут спустя десятилетия снова и снова цитироваться его исследователями и поклонниками. «Аткинсон привёл ко мне своих друзей, миссис и мисс Питерс, — записал он, — я их фотографировал, а потом они посмотрели мой альбом и остались завтракать. Затем они отправились в музей, а мы с Даквортом, взяв с собой трёх девочек Лидделл, отправились на прогулку вверх по реке в Годстоу; пили чай на берегу и вернулись в Крайст Чёрч только в четверть девятого. Зашли ко мне, чтобы показать девочкам моё собрание фотографий, и доставили их домой около девяти часов».

Миссис и мисс Питерс, равно как и Аткинсон, сейчас никого не интересуют, а вот о трёх сёстрах Лидделл, дочерях ректора колледжа Крайст Чёрч, написаны многие страницы, ибо именно им — Лорине, Алисе и Эдит — была впервые рассказана сказка о приключениях Алисы под землёй, по сей день продолжающая восхищать детей и взрослых. Спустя столетие после этого дня известный по обе стороны океана поэт У.Х.Оден напишет, что 4 июля 1862 года — дата, «столь же памятная в истории литературы,

как 4 июля в истории Америки», и это никого не удивит. Да, это дата отмечает начало истории о сказочных приключениях Алисы под землёй, — истории, которая насчитывает по меньшей мере четыре различных варианта. И речь здесь пойдёт не только о приключениях Алисы под землёй, но и о приключениях самой сказки, ибо чего только с ней не происходило!

В этот солнечный день Доджсон был в превосходном настроении и охотно согласился рассказать девочкам сказку. Он дружил с детьми Лидделл — сначала со старшим братом Генри, потом, когда Генри, по укоренившейся в таких семьях традиции, отправили в школу-интернат, — с девочками, которые уже немного подросли. Он водил их в музей, где показывал изображение дронта (или додо), птицы, которая была уничтожена европейскими колонистами ещё в XV в., ходил с ними на прогулки, играл в крокет, учил их грести, с неизменным удовольствием слушал их пение, фотографировал (первый снимок средней сестры Алисы, ставшей его любимицей, он сделал, когда ей было четыре года), а главное, придумывал для них всевозможные истории, одна лучше другой. В тот исторический день, как вспоминали потом участники экспедиции, сказка ему особенно удалась. Впоследствии его приятель Робинсон Дакворт так вспоминал о впечатлении, который произвел на него этот рассказ: «Я грёб, сидя на корме, а он на носу... так что сказка сочинялась и рассказывалась буквально через моё плечо Алисе Лидделл, которая была «рулевым» нашей гички. Помнится, я обернулся к нему и спросил: «Доджсон, вы это сами сочинили?» А он ответил: «Да, я сочиняю на ходу». Сказка так понравилась сёстрам Лидделл, что он продолжал её во время последующих прогулок — в своём дневнике он называл её «бесконечной сказкой».

Известно, что именно десятилетняя Алиса Лидделл попросила его записать для неё сказку. Он обещал, но не तो-ропился выполнить обещание — пришлось ей напоминать ему о нём. 13 ноября он встретил сестёр Лидделл, идущих на прогулку с гувернанткой, и, сидя в поезде (он ехал в Лондон), набросал названия основных эпизодов. Вечером он записал в дневнике: «Начал писать сказку для Алисы — надеюсь кончить её к Рождеству»...

Однако работа над рукописью затянулась: Доджсон многое менял в своей первоначальной импровизации. К сожалению, первого письменного варианта, черновика, написанного его летящим почерком (который порой не так-то легко разобрать, хотя он выглядит обманчиво простым), не сохранилось. В те времена бумага всё ещё была дорогой, и Доджсон, с детства приученный к экономии, обычно использовал для черновиков обратную сторону исписанного листа — математических задач или счёта от мясника. Должно быть, и этот черновик был написан на «оборотиках». Вот бы заглянуть в этот черновик! Увы, для нас он потерян... Возможно, Доджсон сам уничтожил его после того, как перебелил текст для Алисы; а может быть, он пропал, когда после смерти писателя большую часть его бумаг сожгли, а остальное разобрали родственники, не понимавшие их ценности и многого не сохранившие.

Как бы то ни было, но нам досталось увидеть лишь второй, тоже рукописный, вариант, подготовленный в подарок Алисе. На этот раз Доджсон с особым тщанием, почти каллиграфически, переписал его в специально купленную для этой цели тетрадку, оставив пробелы для рисунков. Рисунков было 37. Он много трудился над ними: советовался с типографами и художниками (он дружил с прерафаэлистами), изучал заимствованный у Лидделлов зоологический

атлас, рисовал героиню то с фотографий (Алисы), то с натуры (возможно, с её младшей сестры Эдит: Алисе к тому времени было уже двенадцать лет, а героине сказки — семь). В конце сказки он поместил собственный рисунок героини, но потом передумал и заклеил его фотографией семилетней Алисы, выполненной им самим. Это одна из его лучших работ — к тому времени Доджсон был уже мастером художественной фотографии.

Наконец 26 ноября 1864 года Доджсон вручил Алисе Лидделл тетрадь с рукописью сказки «Приключения Алисы под землёй». На титульном листе, украшенном скромной виньеткой, он вывел: «Рождественский подарок милому ребёнку в память о летнем дне». Со времени летней прогулки по реке прошло более двух лет.

Впрочем, на этом история Алисы и её приключений под землёй не заканчивается. Доджсон не собирался публиковать своей «рукописи» (так он называл сказку), однако давал её читать кое-кому из друзей, которые, конечно, читали её своим детям. И те, и другие были от неё в восхищении и требовали публикации. Гревилл, сын Джорджа Макдоналда, поэта, романиста, проповедника и сказочника, с семьёй которого Доджсон был дружен и мнение которого очень ценил, впоследствии вспоминал, в какой восторг пришли все дети, выслушав сказку, которую прочитала им мать. «Я хорошо помню это первое чтение и как я хвастливо заявил, что хочу, чтобы у этой сказки было еще 60.000 томов!»

4 июля 1865 года, ровно через три года после знаменитой прогулки, в лондонском издательстве Макмиллана выйдут «Приключения Алисы в Стране чудес», специально приуроченные Доджсоном к этой дате. Кэрролл предпринял это издание полностью за свой счёт — так он будет поступать

со всеми последующими книгами, сам выбирая художника и типографию и оплачивая их. Этот третий, значительно расширенный вариант «рукописи» автор печатает под псевдонимом «Льюис Кэрролл». «Алиса в Стране Чудес» произвела настоящий переворот в детской литературе и, несмотря на то, что была написана для детей, скоро стала достоянием «большой» литературы, оказав несомненное воздействие на её дальнейшее развитие.

«Рукопись» значительно отличается от «Алисы в Стране чудес». В этой последней Кэрролл отказался от собственных иллюстраций и после некоторых поисков и раздумий заказал их художнику Джону Тенниелу. Он написал стихотворные посвящения, которых не было в «рукописи» и поместил их в начале и конце сказки; сочинил для рассказа Мыши другое «фигурное» стихотворение; ввёл новые главы и эпизоды; изменил некоторые детали. Так, например, он заменил имена реальных девочек, которых вспоминает в «рукописи» Алиса, на вымышленные (вероятно, чтобы не обидеть одну из них). В целом, сказка стала почти вдвое длиннее. Не буду перечислять все расхождения в этих двух сказках, чтобы не лишить читателя, хорошо знающего «Алису в Стране чудес», удовольствия читать «рукопись», отмечая про себя различия.

Прошли годы. Алиса Лидделл уже не живёт в Оксфорде: в 1880 году она вышла замуж за Реджиналда Харгривза, выпускника Крайст Чёрч. Кэрролл иногда встречает её родных, изредка его приглашают к чаю, но дружба с Алисой давно уже осталась в прошлом. Его последняя фотография Алисы была сделана в 1870 году, когда ей было восемнадцать лет.

В марте 1885 года она неожиданно получает письмо от мистера Доджсона.

«1 марта 1885 года.

Дорогая миссис Харгривз,

Воображаю, что после стольких лет молчания это письмо прозвучит, словно голос из могилы, однако эти годы никак не повлияли на живость моих воспоминаний о тех днях, когда мы писали друг другу. Я начинаю чувствовать, как слабеет память старого человека относительно недавних событий и новых друзей (к примеру, всего несколько недель назад я познакомился с очень милой девочкой лет двенадцати; мы совершили вместе прогулку — а теперь я не могу вспомнить ни её имени, ни фамилии!), однако образ той, которая все эти годы оставалась для меня идеалом юной подружки (*ideal child-friend*), по-прежнему живёт в моём воображении. После того времени у меня было множество маленьких друзей, но всё это было совсем другое.

Однако я пишу не для того, чтобы сказать Вам всё это. Я хочу спросить Вас, не разрешите ли Вы мне опубликовать факсимиле рукописи «Алисы под землёй» (я полагаю, Вы её сохранили?). Мысль о публикации пришла мне в голову лишь на днях. Если, поразмыслив, Вы придёте к заключению, что Вам этого не хотелось бы, на том и остановимся. Однако, отнесись Вы к этому положительно, я буду вам весьма признателен, если Вы предоставите мне на время рукопись (пошлите её заказной бандеролью — так надёжнее), чтобы я мог поразмыслить о дальнейших шагах. Я не видел её около двадцати лет, и совсем не уверен в том, что иллюстрации не окажутся до того безнадежными, что воспроизводить их будет совершенно бессмысленно.

Не сомневаюсь, что, если я опубликую рукопись, меня обвинят в чудовищном себялюбии. Но меня это совершенно не трогает, ибо я знаю, что к этой публикации меня побудили иные мотивы; просто я думаю, что, принимая во внимание необычайную популярность двух сказок об Алисе (они разошлись в количестве

120.000 экземпляров), найдётся немало желающих познакомиться с рукописным оригиналом.

*Всегда Ваш друг,
Ч.Л.Доджсон»*

Сохранилось всего два письма Кэрролла к Алисе (в своё время миссис Лидделл, разгневавшись на скромного молодого преподавателя, позволившего себе не согласиться с её мужем, уничтожила все его письма к сёстрам). Эти два письма опубликовал в своей книге, вышедшей в год смерти писателя, его племянник и первый биограф С. Д. Коллингвуд. Второе из них приводится ниже — оба даются без сокращений. За полтора года, отделявшее первое письмо от второго, миссис Харгривз и Кэрролл, как явствует из второго письма, обменялись письмами, но до нас они не дошли. Впрочем, мы также понимаем, что миссис Харгривз дала разрешение на публикацию рукописи и переслала её Кэрроллу; и что он с присущей ему точностью сообщал ей о предпринятых им действиях. Второе письмо, приведённое Коллингвудом, датировано Кэрроллом 11 ноября 1886 года.

*«Моя дорогая миссис Харгривз,
Сердечно Вас благодарю за разрешение напечатать «Больницы» в Предисловии к вашей книге. С этим злосчастным факсимиле у меня было не меньше приключений Над землёй, чем у Вашей тётки Под землёй.*

Во-первых, лондонский цинкограф, которого мне порекомендовали — он должен был сфотографировать каждую страницу для изготовления цинковых клише — соглашался взяться за работу только при условии, что я предоставляю книгу в его распоряжение, на что я ответил решительным отказом. Вы были столь добры,

предоставив мне на время столь уникальную книгу, что я не мог позволить типографским работникам даже дотронуться до неё. Напрасно я предлагал ему привезти книгу в Лондон, жить там, сколько понадобится, и каждый день являться с ней к нему в студию; класть её перед фотокамерой и переворачивать по мере надобности страницы. Он заявил, что это невозможно, ибо он фотографирует произведения «других авторов, которые ни в коем случае нельзя показывать публике». Я обаялся не глядеть ни на что, кроме собственной книги; но всё было напрасно: на все мои предложения он отвечал отказом.

Потом *** рекомендовал мне некоего мистера Х***, превосходного фотографа, владельца столь небольшого дела, что мне пришлось согласиться на предплату каждого клише; зато он согласился приехать в Оксфорд и работать там. Вся работа проходила в моей студии, которую я не покидал ни на минуту, переворачивая страницы и безропотно исполняя всё, что было нужно.

Впрочем, я уже, кажется, писал Вам о кое-каких эпизодах этой истории.

... Мистер Х*** сделал превосходные негативы и увёз их с собой, чтобы изготовить цинковые клише. Он привозил их поначалу весьма регулярно, и я имел все основания надеяться, что книга будет готова к Рождеству 1885 года.

18 октября 1885 года я отослал Вашу книгу миссис Лидделл, которая сказала мне, что Ваши сёстры собираются Вас навестить и отвезут её Вам. Надеюсь, Вы её благополучно получили?

Вскоре после этого клише перестали поступать — (замечу, что я заранее всё оплатил) оставалось ещё двадцать две страницы, но мистер Х*** пропал!

Лично я полагаю, что он скрылся от кредиторов. Мы искали его, но всё было напрасно. Шли месяцы. Я было подумал нанять сыщика, чтобы отыскать его, но меня заверили, что «сыщики все негодяи». Можно было просить Вас снова прислать мне

книгу и сфотографировать недостающие страницы. Но мне решительно не хотелось снова забирать её у Вас; к тому же я боялся рисковать, доверяя её почте, ибо даже посылая её «заказной бандеролью» нельзя быть абсолютно уверенным, что она не будет потеряна.

В апреле мистер Х*** явился к Макмиллану и оставил восемь клише — и вновь пропал.

Оставалось четырнадцать страниц, недостающих в разных местах по всей книге. Я ещё немного выждал, а затем передал всё дело поверенному, который скоро нашёл беглеца, однако не смог добиться от него ничего, кроме обещаний. «Вы никогда не получите клише, — сказал поверенный, — если не пугнёте его, отправив ему вызов к мировому судье». В конце концов, хотя мне совсем не хотелось этого делать, пришлось послать этому невозможному человеку судебную повестку, которую надо было выправлять по месту его жительства, для чего я был вынужден дважды приехать из Истборна [где Кэрролл отдыхал — Н.Д.]: один раз, чтобы оформить вызов в суд (для чего потребовалось лично моё присутствие), а другой, чтобы вместе с поверенным присутствовать на суде в день, назначенный для слушания дела. Ответчик на суд не явился; и тогда судья объявил, что будет разбирать дело в его отсутствие. Затем я испытал неведомое мне ранее волнующее чувство: меня вызвали в качестве свидетеля и привели к присяге, после чего весьма суровый судебный секретарь подверг меня перекрёстному допросу, видно, полагая, что стоит меня как следует припугнуть, как он тотчас уличит меня во лжи! Мне пришлось прочитать судье небольшую лекцию о цинкографии, и он, бедняга, заявил, что это столь сложно, что ему придётся отложить слушание на неделю. Однако на этот раз, чтобы обеспечить присутствие неуловимого ответчика, он выдал ордер на его арест, и судебный пристав получил приказ задержать его и поместить в тюрьму накануне слушанья дела. Узнав об этом, наш беглец и вправду перепугался

и, не дожидаясь рокового дня, тотчас представил четырнадцать негативов (клише он так и не сделал). Я обрадовался, получив их, хотя мне и пришлось вторично оплатить четырнадцать клише, и взял назад свой иск.

Четырнадцать клише были быстро изготовлены и переданы в типографию; всё наконец уладилось, и я полон надежды, что скоро книга будет завершена, и к концу месяца я смогу послать Вам специально заказанный экземпляр (в белом кожаном переплёте — если Вы не предпочтёте другого).

*Всегда, верьте мне,
Искренне Ваш
Ч.Л.Доджсон»*

22 декабря 1886 года факсимильное издание рукописи, подаренной Алисе Лидделл двадцать один год назад, вышло в лондонском издательстве Макмиллана. Кэрролл предпослал ему предисловие, в котором, приведя строку из старинной песенки «Отгадай загадку, Как и Почему», рассказывает о том, как и почему он решил сделать свою рукопись достоянием публики. «На вопрос «Как» я в известном смысле ответил в стихотворении, предпосланном «Алисе в Стране чудес» <...> А «Почему?» нельзя, да и не нужно, выражать словами. Те, для кого душа ребёнка — книга за семью печатями, кто не видит в улыбке ребёнка ничего божественного, стал бы напрасно вникать в эти слова; меж тем как тому, кто когда-либо любил подлинного ребёнка, слова не нужны. Ему знаком тот трепет, который охватывает всякого человека, оказавшегося в присутствии души, только что вышедшей из рук ГОСПОДА, души, не омрачённой тенью греха, которая несёт лишь отдалённый и едва заметный окаём печали».

Льюис Кэрролл, викторианский последователь автора «Песен невинности» и старых и новых романтиков, видит в улыбке ребёнка ту чистую, всеобъемлющую и бескорыстную любовь, которая присуща только детям. Впрочем, тот, пишет он, кто «сумеет вложить все свои силы в некий замысел, не думая об ином вознаграждении, кроме тихих слов благодарности и воздушного поцелуя, посланного ему чистыми устами детей, возможно, немного приблизится к ним». Из текста становится ясно, что он регулярно посылал свои книги в Детские больницы и Приюты для больных детей (речь, конечно, идёт о детях неимущих), и делал это «всегда с радостью». Он цитирует письмо одной из дам-патронесс такой больницы, которая рассказывает ему, как дети слушают присланные им сказки (к тому времени вышла уже и «Алиса в Зазеркалье»), и молятся за него, и обещает написать умирающей девочке, которая мечтает получить от него письмо, которое будет адресовано не «Каждому ребёнку, который любит Алису» (такие письма Кэрролл посылал на Пасху), а лично ей, Минни. Современному читателю всё это, верно, покажется слишком сентиментальным (нас долго и жёстко отучали от сочувствия бедам других), однако такое выражение чувства было присуще викторианцам, и Кэрролл, человек глубоко верующий, несомненно писал это от всего сердца.

На последней странице книги был напечатан *Postscriptum*, за разрешение напечатать который Кэрролл благодарил миссис Харгривз в первом письме.

POSTSCRIPTUM

Деньги, полученные от продажи этой книги (если будут таковые), будут направлены в Детские больницы и Приюты для

больных детей; и счета по 30 июня каждого года будут печататься в St. James's Gazette во второй вторник последующего декабря.

В „Гайавате“ Лонгфеллоу эта же мысль прекрасно выражена мальчиком в его обращении к тем, кто верит,

Что беспомощные руки,

Шаря ощупью, во мраке,

Руку Божию находят».

Итак, книга выходит, и Кэрролл посылает миссис Харгривз обещанный экземпляр с дарственной надписью. Однако на этом история рукописи не заканчивается. Опять прошли годы. Кэрролла давно уже нет в живых; Алиса Харгривз, вырастившая трёх сыновей — Алана Кинестона, Леополда Реджиналда и Кэррила Лидделла — теряет во время Первой мировой войны двух старших сыновей, павших, когда они вели своих солдат в атаку — первый в 1917, второй в 1918 году. Её муж умирает. В 1928 году семейные трудности заставляют её выставить на продажу уникальную рукопись. 3 апреля того же года на аукционе Сотбис рукопись покупает за 15.400 долларов известный американский коллекционер из Филадельфии, доктор А. С. У. Розенбах. Спустя шесть месяцев он продаёт её Э. Р. Джонсону из Мурстауна (штат Нью Джерси) за 30 000 долларов, а после смерти последнего выкупает её у наследников за 50 000 долларов.

В 1932 году англо-говорящий мир широко празднует столетие рождения Льюиса Кэрролла. Появляются статьи о нём таких видных писателей, как Г. К. Честертон, Уолтер де ла Мэр, Вирджиния Вулф и других. Миссис Харгривз получает приглашение приехать в Нью-Йорк, где при большом стечении публики ей должны вручить почётный докторский диплом Колумбийского Университета. Она отправляется в плавание в сопровождении своего младшего сына

Кэррилла. Её приветствуют толпы встречающих, журналисты осаждают её просьбами об интервью, её чествуют как вдохновительницу бессмертной сказки, которая убедила автора записать её.

В 1946 году рукопись передаётся для продажи в одну из нью-йоркских галерей. Неожиданно на сцену выступает Л. Х. Эванс, тогдашний директор Библиотеки Конгресса. В начале 1946 года, лёжа в больнице после операции, он прочитал о предстоящей продаже в газете «Нью Йорк Таймс» и про себя отметил, что на аукционе Сотбис, где ранее была выставлена рукопись, Британский музей предлагал сумму в 10 000 фунтов. «Это навело меня на мысль о том, — вспоминал он, — что было бы хорошо, если бы группа американцев выкупила рукопись и преподнесла её Британскому Музею». Он обратился к Л. Розенвалду, одному из видных «дарителей» (donor) Библиотеки Конгресса, который обещает ему поддержку: он сам внесёт солидную сумму и посоветует ряду своих друзей принять участие в сборе средств. «Затем я позвонил доктору Розенбаху и поручил ему купить рукопись (я готов был предложить за неё до 100.000 долларов), которые я переведу ему со своего личного счёта».

Доктор Розенбах купил рукопись за 50 000 долларов. Эванс затем начал кампанию по сбору средств на приобретение «культурного сокровища английской нации» — и вскоре собрал почти всю сумму; доктор Розенбах с братом также сделали солидный вклад. Список пожертвований от 100 долларов и выше был послан в Британский Музей, хотя поначалу его не собирались предавать гласности. «В 1948 году, — пишет Л. Эванс, — я доставил рукопись в Британский музей и впоследствии добрал недостающие несколько тысяч долларов». За этими скупым сообщением стоит ещё

одна история. В те годы из Америки плыли на лайнерах (напомню, что всё это происходило более 60-ти лет назад!) Для безопасности драгоценной рукописи был сконструирован специальный непотопляемый «кейс», снабжённый флажком и радио-сигнализацией на случай гибели судна. По счастью, плавание прошло благополучно, и сев в поезд, идущий из порта в Лондон, Эванс предчувствовал конец своей миссии. Ступив на платформу в Лондоне, он вздохнул с облегчением и направился к выходу в город — однако внезапно осознал, что «кейс» с драгоценной рукописью он оставил в вагоне! О том, как искали рукопись, история умалчивает. Важно, что она была найдена и передана в Британский Музей — «в знак благодарности доблестному народу, который долгое время бился с Гитлером почти в одиночку...». Рукопись принимал глава англиканской церкви, Архиепископ Кентерберийский, выразивший глубокую благодарность за этот «дар от чистого сердца». Присутствовавшие на церемонии британцы, по словам Эванса, «сморкались и всхлипывали, что было совсем не по-английски». Теперь рукопись хранится в Британской Библиотеке.

Таковы события, связанные с тремя вариантами сказки, впервые рассказанной во время пикника 4 июля 1862 года.

Четвёртый вариант сказки появился в 1890 году: это был пересказ, сделанный Кэрроллом для маленьких детей, и назывался он «„Алиса“ для малышей» (*The Nursery Alice*). Он вышел с двадцатью увеличенными и слегка изменёнными иллюстрациями Джона Тенниела, лично раскрашенными художником. К тому времени Тенниел давно уженискал известность и рыцарский титул за свои работы. Мы не ошибёмся, если скажем, что важнейшую роль здесь играли его иллюстрации к двум сказкам об Алисе. Сейчас Тенниела

прежде всего помнят как первого и превосходного иллюстратора сказок Льюиса Кэрролла.

На этом заканчиваются «приключения одной сказки», которая продолжает жить и зачаровывать всё новых и новых читателей. С выходом в свет этой книги — факсимильного воспроизведения рукописи «Приключений Алисы под землёй» вместе с русским переводом — наши читатели получают наконец возможность познакомиться с тем, как создавалась «Алиса», которую мы так любим.